

Шэнь Ле, весь на нервах, поспешно сунул Сюй Сяочжэню часы в руки:

— Братик, часы... я их починил. Пожалуйста, прости меня.

Словно этим хотел загладить вину — хоть какую-то.

Часы были прежние, те, что когда-то принадлежали Гу Яню. Многие в них уже не работало, Сюй Сяочжэнь давно носил их просто как аксессуар. Когда Шэнь Ле вызвался их отремонтировать, тот особо и не раздумывал — дал.

— Починил? — переспросил он, принимая вещь обратно. В тот момент, когда он протянул руку, ткань футболки зацепила кожу на груди. Что-то неприятно кольнуло — глухая, тупая боль.

Не такая, как после родов, когда начинало набухать от переполнения. Другое. Он шумно втянул воздух, машинально коснулся этого места. Приподнял ворот — кожа там покраснела. Может, ночью что-то натёр?

Шэнь Ле в это время уже с трудом держался — в глазах наливалась паника. Сюй Сяочжэнь даже не успел спросить, что с ним, как тот вдруг кинулся вперёд, схватил его за лицо и...

...поцеловал.

Не как раньше, по-дружески, в щёку. Поцелуй был отчаянный, дерзкий, срывающийся, почти лихорадочный. Словно его захлестнуло.

Сюй Сяочжэнь не успел опомниться — захлебнулся воздухом, пошатнулся, и в следующее мгновение оказался на кровати, а Шэнь Ле уже нависал над ним.

— Братик... пожалуйста... прости меня... — прошептал он, как загнанный.

Сюй Сяочжэнь всегда считал его родным братом. Узнав, что он, младший брат, посмел на такое — он больше не станет с ним встречаться, не подпустит близко, будет избегать. Навсегда.

В голове проносились две картины. Первая — пуститься во всё тяжкое: овладеть им, когда тот не сможет сопротивляться. Тогда, может быть, брату даже понравится, поймёт, что он лучше Гу Яня. И дальше всё пойдёт по накатанной — тайные встречи, как будто ничего и не было.

Вторая — та же сцена, но с другим концом. Брат в ярости. Он не поднимет руку, но откажется

от него, вычеркнет из жизни. Тогда Шэнь Ле просто увезёт его. Запрёт. Где-нибудь в подвале Второго сектора. А что Гу Янь? Он Сюй - никто. Кто он такой, чтобы что-то требовать?

Шэнь Ле понимал, что первый вариант почти невозможен. Разве что пару недель назад, когда Сюй Сяочжэнь ещё ссорился с Гу Янём, — тогда, может быть, был бы шанс.

Сюй Сяочжэнь сперва подумал, что это кошмар. Но в ту же секунду очнулся и начал бить, толкать, изо всех сил пнул Шэнь Ле.

Тот, обычно хрупкий, как будто внезапно обрёл нечеловеческую силу — удары не производили никакого эффекта. Как будто перед ним был не брат, а скала.

Шэнь Ле сломался. Его отвратительные желания были раскрыты. Теперь ему оставалась только одна дорога — в пропасть. Он плакал, срывал с себя одежду, умолял:

— Посмотри на меня, братик... Ну попробуй! Я ведь лучше Гу Яня... Тебе понравится, правда...

Перед глазами Сюй Сяочжэня потемнело. Он готов был разбиться о стену. В панике он отвесил пощёчину — что было силы:

— Шэнь Ле, ты с ума сошёл?! Я твой брат! Очнись!

Тот замер. Даже руки опустил, в глазах появилась смесь боли и удивления:

— Ты... Ты ударил меня? Ты... ты же никогда меня не бил.

Сюй Сяочжэнь тут же воспользовался моментом, оттолкнул его, соскочил с кровати. Со страхом схватился за дверную ручку:

— Я не знаю, что ты ел... или что с тобой... Но это ненормально. Всё это... неправильно.

Шэнь Ле рванулся к нему — но Сюй Сяочжэнь не стал ждать. Даже обувь не надел. Босиком выскочил из квартиры.

Воротник — растянутый. Волосы — в беспорядке. Лицо — в ужасе. Люди на улице смотрели, как на человека, только что вырвавшегося из плена.

Он ввалился в такси, всё ещё трясясь, и только тогда заметил: в руке остались часы. Те самые. Сенсор почувствовал его прикосновение, экран вспыхнул красным: пульс зашкаливал. Система спрашивала: вызвать ли скорую? Полицию?

Сюй Сяочжэнь отключил всплывшее меню, откинулся на спинку сиденья, прикрыл глаза, прижимая ладонь ко лбу, пытаясь прийти в себя.

Таксист довёз его до квартиры, где он жил с Гу Янём. Оплату за поездку временно внесла управляющая компания.

Но даже когда он оказался дома, внутри продолжал бушевать шторм. Казалось, по коже всё ещё ползёт жар Шэнь Ле, в носу стоит запах его парфюма — тот самый «зелёный чай с цветами лотоса». Раньше аромат казался приятным, теперь — вызывал дрожь и отвращение.

Он бросился в душ, смывая с себя каждый след, потом закутался в одеяло и нырнул в постель. Запах кондиционера для белья — привычный, тёплый — немного успокоил. Но всё равно он не мог понять: как, когда, почему Шэнь Ле так изменился? Как мог его добрый брат превратиться в это...

Не прошло и получаса, как раздался стук в дверь.

Сюй Сяочжэнь, всё ещё в пледе, подошёл к монитору — Шэнь Ле.

Он не мог... не хотел... видеть его. Только тихо замер за дверью, будто дома никого нет.

Но Шэнь Ле знал, что он внутри. Он смотрел прямо в объектив камеры, глаза покраснели, слёзы текли по щекам. Потом медленно опустился на корточки, обнял себя — жалкий, разбитый.

На улице похолодало, но он будто и не замечал. Был одет в развевающуюся белую рубашку из тонкого шёлка, украшенную множеством лент и узорами. Он стоял как призрак под вентиляцией в подъезде, и поток воздуха поднимал эти ленты, заставляя их танцевать.

— Братик... я был не прав. Я знаю, я всё испортил. Я не хотел... Просто, я... Я так завидую. Ты думаешь только о нем, всегда о нем. Я боялся, что ты бросишь меня. Я хотел занять его место, чтобы ты был только со мной... всегда. Братик... пожалуйста, открой дверь... Здесь так холодно.

Он позволил ему сбежать и раскаивался безмерно. Он пытался догнать, но тот вырвался слишком быстро.

Но ничего. Жалость — его лучший инструмент.

Он пересматривал в голове случившееся снова и снова. Да, он повёл себя импульсивно. Но ни капли не сожалел. Он слишком долго сдерживал себя. Даже если бы всё повернулось заново тысячу раз — он всё равно поступил бы так же.

Этот вечно влюблённый идиот-брат... Даже после всего, что натворил Гу Янь, он не хочет с ним расстаться. Шэнь Ле больше не мог смотреть, как они то сходятся, то расходятся.

Он знал: стоит только встать на колени, приставить нож к горлу и пригрозить самоубийством — брат точно откроет дверь.

Сюй Сяочжэнь наблюдал через монитор, как Шэнь Ле действительно достал из кармана изящный нож-бабочку, поднёс к шее — и на бледной коже тут же выступили капли крови.

— Братик... я правда понял. Я не смогу жить, если ты не простишь меня. У меня ведь никого нет... только ты...

Даже в слезах Шэнь Ле соблюдал эстетический баланс. Он плакал «красиво»: не рыдал, не корчил лицо, не щурил глаза. Глаза — распахнутые, чуть влажные, в обрамлении мокрых ресниц. Красные уголки, дрожащие ресницы. Слёзы падали медленно, словно жемчуг, и стекали по подбородку.

Он прикусил губу, слегка надул её — чтобы выглядеть ещё трогательнее. На щеке — след пощёчины. Всё вместе создавало идеальную картину жалости.

Сюй Сяочжэнь внутри сжался. Ему было больно и не по себе. Но открыть дверь — он не мог. Он подошёл к микрофону системы наблюдения:

— Всё, прекрати. Ты понял — хорошо. Я тебя прощаю. Но, А-Ле, я сейчас не могу тебя видеть. Мне нужно время. Успокойся. И ты, и я. Иди домой, хорошо? Будь умницей.

Шэнь Ле остолбенел. Даже с ножом у горла, даже истекая кровью — брат не открыл. Он подавил раздражение, но чуть сильнее вдавил лезвие — кровь закапала на белую рубашку. Картина получилась эффектная, почти художественная.

— Хватит! Шэнь Ле, я просто сделаю вид, что ничего не было! Прекрати! Мне нужно прийти в себя! Не шантажируй меня своей смертью!

Даже теперь, даже доведённый до крайности, брат не открыл. Всё — он окончательно решил держать дистанцию.

Шэнь Ле знал: брат — не из тех, кто поддаётся на давление. Только на жалость. Он отбросил нож, позволил крови течь по шее. Прислонился к стене, обнял колени — и просто стал ждать.

Ждать, когда брат смягчится и, наконец, впустит его обратно. Телефон, валявшийся на полу, вспыхнул экраном — пришло сообщение.

Это был Вэнь Юэ:

«Скажу тебе секрет, только никому ни слова. Я услышал это на учениях на Севере. Знаешь того суперзвёздного Гу Яня из военного округа? Так вот — он обручен с младшим сыном депутата Чэня. Говорят, свадьба скоро.»

Шэнь Ле сперва подумал, что из-за потери крови у него плывёт перед глазами. Он потёр лоб, подтянул телефон поближе, перечитал — и вдруг беззвучно, но пугающе широко и ярко улыбнулся.

Гу Янь... ты, паршивец!

Однажды я тебя убью. Клянусь.

Сюй Сяочжэнь так любит тебя... А ты осмелился... осмелился так поступить с ним?!

Шэнь Ле шатко поднялся с пола, поднял голову, поймал камерой свой самый выигрышный ракурс, зная — Сюй Сяочжэнь ещё не ушёл. И шепнул, без звука:

— Братик. Я тебя люблю.

А потом развернулся и ушёл.

Гу Янь конечно мразь. Но полезная мразь.

Пусть сейчас брат его боится, отстраняется, — не беда. Очень скоро он поймёт, насколько одинок. И кто единственный, кто всегда рядом. Пусть и с грязными, неприличными желаниями.

Шэнь Ле позволит Гу Яню причинить брату боль. Один раз.

Сюй Сяочжэнь грустно смотрел ему вслед.

С тех пор Шэнь Ле больше не приходил. Только каждый день — утром и вечером — писал брату сообщения. Болтал, делился мелочами, как раньше.

И Сюй Сяочжэнь с облегчением выдохнул.

...

В день завершения учений Гу Янь под гром пушек и салют был официально удостоен звания генерал-лейтенанта и получил в командование сухопутные войска Третьего сектора.

Хотя королевская семья уже давно служит лишь игрушкой в руках знати — символическим украшением Империи, её всё равно выставляют в первых рядах на всех государственных церемониях. Это якобы придаёт стабильность и уверенность народу.

Гу Янь, принимая орден, стойчески смотрел на холодное лицо отца. После формальных похвал, он повернулся к солдатам и повторил клятву, завершая полный круг бюрократических процедур.

Все решили: Гу Чуань, наконец, с возрастом стал уступать сыну власть. На деле же Гу Янь вырвал её из его рук. Не громкие титулы, а оружие — вот настоящая валюта влияния.

Церемония закрытия учений была по-настоящему грандиозной. Империя затаила дыхание: миллионы смотрели трансляцию онлайн.

Тринадцатый сектор.

В полутёмном кинозале молодой мужчина сидел, закинув длинные ноги на стол. Бордовая рубашка была небрежно заправлена в чёрные брюки, подчёркивая узкую талию; распахнутый ворот открывал рельефные ключицы и мускулистую линию груди.

Волосы отросли и были собраны в небрежный полухвост. Он слегка склонил голову, на губах — насмешливая, почти безумная улыбка. Вокруг него сгущалась зловещая, тяжелая аура — словно кроваво-чёрный туман, едва уловимо колеблющийся в воздухе.

Чэнь Исунь держал в руке яркую игрушку с розовыми перьями — дразнилку для кошек. Он лениво махнул ею в сторону — и тень у дивана, до того недвижимая, тут же оживилась: прыгнула, заиграла, точно котёнок, пойманный на крючок.

...

Как и ожидалось, связки у Гу Яня были порваны.

Он не морщился от боли. Спокойно вызвал медицинскую команду, перенёс операцию и остался в 6-м секторе, тогда как наследный принц с делегацией уже давно вернулись в 1-й.

В 6-м его хотели чествовать: губернатор и местная знать пригласили на банкет в его честь. Но он отказался. Вместо этого просто прошёлся по вечернему городу — и купил подарок для Сюй

Сяочжэня.

— Янь? — раздался мягкий голос из глубины торгового центра.

Гу Янь обернулся.

Перед ним стоял Хо Цинъюань — в бело-голубой полицейской форме, в окружении подчинённых. Похоже, они были на патруле.

Хо Цинъюань — тот самый альфа, который пять лет назад, наперекор блестящему будущему, насмешкам и разрыву с семьёй, остался с омегой-актёром из шестого округа. Сын министра иностранных дел Хо.

Его разделяло с Гу Янем почти десять лет. Он был старше, считался восходящей звездой своего поколения в первом округе. Чем выше ожидания — тем глубже разочарование: он ослушался семью и поплатился.

Поговаривали, что его сослали в провинциальный пост, где он регулировал трафик.

Но выглядел он неплохо: форма первого ранга, начальник центрального управления полиции шестого округа.

Гу Янь помнил его с детства — встречались несколько раз. У них не было конфликтов. Он всегда уважал его.

Он кивнул. Хо Цинъюань дал знак подчинённым продолжать патруль, сам подошёл ближе. Высокий, стройный, лицо — мягкое, открытое. Улыбка — уверенная, без заискивания:

— Давно не виделись. Честь для меня. Не хотите заглянуть в мой участок, генерал?

Последний раз они встречались лет шесть назад. Тогда Хо был на пике, харизматичный лидер поколения. Несмотря на вежливость, от него веяло силой.

Теперь он стал мягче. Спокойнее. Будто отполированный временем камень.

Гу Янь кивнул и сел к нему в машину.

Когда они приехали, из участка выскочил мальчик лет пяти, с разбегу прыгнул к Хо в объятия:

— Папа!!

Хо Циньюань спокойно подхватил его на руки, представил:

— Это мой сын, Хо Чэнь. Сегодня выходной, а у его второго папы завал, вот и привёл ко мне. Чэнь, поздоровайся.

Мальчик без стеснения воскликнул:

— Дядя, вы такой крутой! Я всё видел!

Хо Циньюань улыбнулся, погладил его по голове:

— Не обессудь. В отца пошёл — язык как мёд.

Гу Янь невольно отметил, как лицо Хо светилось счастьем, особенно когда тот говорил о втором родителе.

Он провёл его в кабинет, налил чаю:

— Кажется, генерал хотел что-то сказать?

Гу Янь слегка постучал пальцами по бедру, пригубил чай:

— Думал, у тебя дела идут хуже.

Он оглядел кабинет. На столе стояла фотография: юноша с сине-фиолетовыми волосами, в яркой одежде, обнимал Хо за шею и улыбался в объектив. Сам Хо смотрел не в камеру — только на него, с тёплой, спокойной улыбкой.

Хо Циньюань, заметив его взгляд, мягко сказал:

— Это мой партнёр.

Гу Янь отвёл глаза.

— Не жалеешь? Ты ведь был амбициозным. И вот — ради какого-то безымянного актёра?

Хо усмехнулся.

— Если я сделал выбор, значит, жалеть не о чем. Я его люблю. И он меня — тоже. Когда я

принимал решение, мне было всего двадцать пять. Вся жизнь была впереди. Начиная с того, что выписывал штрафы на обочине, потом стал офицером, позже — начальником. И всё это за пять лет. Если захочу, ещё успею вернуться в первый сектор.

Он поставил чашку и скользнул взглядом по кольцу на безымянном пальце Гу Яня.

— Говорят, ты помолвлен. С сыном депутата Чэня? Но это кольцо — не от него, верно?

Он вздохнул.

— Янь, таким, как мы, власть даётся слишком легко. А вот настоящие чувства — почти никогда. Не делай того, о чём потом будешь жалеть.

Он не собирался это говорить. Но раз Гу Янь сам завёл разговор — промолчать не получилось.

Гу Янь почувствовал, как кольцо на пальце вдруг обожгло жаром. Он опустил ногу, снял его и, не глядя, убрал в карман. Его густые чёрные ресницы дрогнули. Слова Хо налетели, как шторм, сбивая дыхание.

В дверь постучали. Появилась маленькая голова.

— Папа, можно мне немного молока?

Хо Цинъюань позвал сына внутрь и с улыбкой пожурил:

— Опять переел сладкого, да?

Мальчик повис у него на руке, уткнувшись в плечо.

Гу Янь выпрямился, лицо стало острым, как лезвие.

— Ты невероятно глуп, — сказал он резко и направился к выходу.

Но кто-то дернул его за рукав. Хо Чэнь, насупившись, смотрел снизу вверх:

— Нельзя так говорить про моего папу. Я думал, ты герой. А теперь — нет. И конфету, которую хотел тебе подарить, — тоже не дам. Уходи.

Он отпустил рукав и вернулся к отцу.

Гу Янь остолбенел. Его только что отчитали. Ребёнок — и отчитан был искренне, с обидой, в которой не было ни кокетства, ни страха. Он ощутил раздражение, но, разумеется, не мог сорваться на мальчика. Лишь вскинул подбородок и метнул в сторону Хо холодный, колющий взгляд.

— Не думай, что возраст даёт тебе право читать мне морали, Хо. Я не делаю того, о чём потом пожалею. И в твоей опеке не нуждаюсь.

Хо Цинъюань кивнул — спокойно, даже мягко, с той же лёгкой улыбкой, что не сходила с его лица.

— Надеюсь, что так, Янь. Удачи.

Не отвечая, Гу Янь резко развернулся и вышел из кабинета. Уже в коридоре отдал распоряжение готовить выезд — обратно в 1-й сектор.

На дворе стояло 28 апреля. Его день рождения — пятого мая, а в июне должна была состояться помолвка с Чэнь Баочжу. Даты почти слились в одну, и обе семьи — Гу и Чэнь — торопили его с возвращением. Всё должно быть проведено по протоколу, без опозданий.

Этот год был особенным. После недавнего повышения день рождения планировали отметить с размахом, пригласив представителей имперской элиты — в качестве демонстрации политического веса. Но и помолвка была не менее масштабным событием. Две крупные церемонии подряд могли вызвать раздражение у народа, и потому между датами пришлось лавировать.

Вернувшись в 1-й сектор, Гу Янь первым делом поехал в поместье Гу — навестить старших. Те встретили его сдержанно и уважительно, без лишних слов. Спросили, не предпочёл бы он в этом году ограничиться семейным ужином на день рождения — без пышных торжеств.

В прошлый свой визит он застал дом в спокойствии. Сейчас же всё было иначе: слуги сновали по территории, переговаривались, тащили на площадку коробки с декорациями и оборудованием. Подготовка к помолвочному балу шла полным ходом.

Гу Янь нащупал в кармане кольцо. Оно было холодным, но ощущалось, словно расплавленное: от кончиков пальцев жар поднимался к груди, обжигал под рёбрами, будто пытаясь прорваться к сердцу.

— Что ты молчишь? Все ждут твоего решения! — рявкнул Гу Чуань, сверля его взглядом.

Гу Янь перекатил кольцо в ладони, сжал.

— В этом году я хочу отметить день рождения на яхте. Один. Не беспокойте меня.

А что касается помолвки... Я хочу её отложить.

Пощёчина прозвучала, как выстрел. Гу Чуань ударил его.

— Скотина! Тут обе семьи собрались, а ты с таким заявлением?! Что ты себе позволяешь?

Чэнь Баочжу пошатнулся, словно у него выбили опору.

— А-Янь... ты ведь не собираешься отменить нашу свадьбу?

Гу Янь медленно провёл языком по нёбу, прежде чем ответить:

— Я не говорил «отменить». Просто считаю, что всё идёт слишком поспешно. Хочу немного подождать.

— Никаких отсрочек! — перебил Гу Чуань. — Думаешь, если стал генерал-лейтенантом и получил контроль над армией Третьего округа, теперь можешь делать что хочешь? Забудь. Свадьба состоится, как запланировано.

Он произнёс это безапелляционно. Члены семьи Чэнь, сидевшие рядом, с облегчением выдохнули.

Но никто не упустил одного: рука Гу Яня всё ещё была в кармане. Лицо — без эмоций, как вырубленное из камня. Неясно, согласен он или просто не желает продолжать разговор.

Чэнь Баочжу попытался подойти ближе, сказать что-то. Гу Янь едва заметно увернулся и вышел. За ним, не спрашивая разрешения, последовал только Чжоу Цзиншуо.

Они молча прошли по тоннелю, вырубленному в скале, и вышли в задний сад, залитый вечерним светом.

Чжоу Цзиншуо не сдержался:

— Ты ведь сам не против этой помолвки. Так зачем злить дядю? Ставить Чэнь в такое положение? Ты же понимаешь — сейчас не время для ссор.

Гу Янь опустился на лавку, откинулся, закинул руку на спинку с видом человека, которому нужно всего лишь немного воздуха.

— Я и не против. Но всё идёт слишком быстро. Больница сказала: на операцию уйдёт минимум месяц. А если я не успею... он узнает правду до того, как я смогу оставить на нём метку.

— Но разве Сюй Сяочжэнь тебя не любит? Зачем всё это? Если не выходит — заплати. Деньги решают всё.

Гу Янь знал — да, Сюй Сяочжэнь его любит. Но после новости о помолвке... станет ли любить, как прежде? Примет ли всё так же?

— Я дал ему немало. Он не потратил ни цента, — Гу Янь несколько дней назад, внезапно, проверил отчёты по картам и обнаружил: движения средств не было.

Поэтому он чувствовал: пока не оставит на нём метку — не будет уверен в нём. Только после этого можно думать о свадьбе.

— Или... дождаться, когда он родит. Тогда никуда не денется. Ни от меня, ни от ребёнка. Примет судьбу.

Как только слова сорвались с губ, Чжоу Цзиншуо подскочил с места:

— Б-брат... Ты в своём уме?! Завести внебрачного ребёнка — это уже перебор, а ты... Ты собрался на помолвку пойти с этим?!

Он был в ужасе. Это же взорвёт всё!

Какая бы безумная ни была идея — завести ребёнка **до** помолвки, да ещё и от постороннего, — значит публично унижить семью Чэнь. И поставить её в смехотворное положение.